
НИКОЛАЙ КАВАЛЕРОВ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ТИПА «ПОДПОЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

К.В. Касаткина

Кафедра истории русской литературы
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ул. Ленинские горы, д. 1, Москва, Россия, 119991

Статья посвящена сравнительному анализу образов Парадоксалиста («Записки из подполья» Ф.М. Достоевского) и Николая Кавалерова («Зависть» Ю.К. Олеши). Рассказчик «Записок из подполья» и главный герой романа «Зависть» обладают целым рядом сходств в мировоззрении, поведении, чертах характера, психологии и языковых особенностях. В образе Кавалерова воплощается весь комплекс «подпольных» черт: гордость у него сочетается со стремлением к самоуничтожению; герой склонен к мечтательности и литературности при полной неспособности к реальной деятельности. Сходным образом складываются и взаимоотношения героев Достоевского и Олеши с окружающими людьми. На основании проведенного анализа делается вывод: Николай Кавалеров представляет собой своеобразную трансформацию литературного типа «подпольного человека» в исторических условиях 20-х гг. XX в.

Ключевые слова: Достоевский, Олеша, «Записки из подполья», «Зависть», «подпольный человек», Кавалеров, подполье.

Сходство двух героев — Николая Кавалерова из романа «Зависть» и Парадоксалиста рассказчика «Записок из подполья» — ранее уже отмечалось критиками и литературоведами. Так, в 1929 г. (через два года после выхода «Зависти») литературный критик В.П. Полонский в статье «Преодоление зависти» в качестве эпиграфа к разделу, посвященному образу Кавалерова, использовал строки из «Записок из подполья» о выгоде «свободного и вольного хотения» [4. С. 304], тем самым указав на литературную преемственность романа Олеши по отношению к повести Достоевского. Сходство этих произведений отмечалось уже в постсоветском литературоведении. Исследователь В. К. Шеншин замечает, что «“Зависть” близка к “Запискам из подполья” и к другим романам Достоевского прежде всего глубоким раскрытием драматических противоречий индивидуального сознания героя-идеолога. Здесь отражен конфликт интеллектуального героя-индивидуалиста, болезненно самолюбивого социального отщепенца, с действительностью» [5. С. 89]. Об этом конфликте пишет и В.Н. Кузьмина в статье «Между философией “подполья” и мироощущением “человека толпы”». Сравнивая героев Достоевского и Олеши, исследовательница делает важный для нас вывод: «Образ “подполья” оказывается явлением универсальным, определенным состоянием человеческой души, утратившей цельность, нарушившей гармонию, равновесие между идеалом, красотой и зеленой реальностью как божественным созданием. XX век оказался гораздо более изощренным в изобретении самых многообразных форм подобной дисгармонии» [3. С. 266].

По нашему убеждению, герой «Зависти» — это «подпольный человек» Достоевского, перенесенный из одной эпохи в другую. Косвенным подтверждением

этого может служить тот факт, что в машинописном варианте повести Олеси существовал подзаголовок: «Записки Кавалерова», что, возможно, содержит в себе отсылку к «Запискам из подполья».

Прежде всего попробуем сравнить те исторические условия, в которых разворачиваются события «Записок из подполья» (60-е гг. XIX в.) и «Зависти» (20-е гг. XX в.). Согласимся с В.Н. Кузьминой: 20-е гг. XX в. становятся более плодородной почвой для появления «подпольных» людей, чем даже 60-е гг. XIX в., ведь многие общественно-политические тенденции, зародившиеся в эпоху Достоевского, в период великой социалистической стройки в полной мере получают свое развитие и воплощение. Иными словами, если прагматизм социалистов, революционеров и нигилистов активно отбрасывает на обочину жизни усиленно рефлексирующего Парадоксалиста, то энергичность предприимчивых нэпманов, дельцов, промышленников и строителей коммунизма вычеркивает Кавалерова из жизни еще более активно. «Усиленное сознание» Кавалерова становится не нужно и даже вредно в 20-е гг. — стране не нужны отвлеченно теоретизирующие невротические личности, а нужны рабочие руки, трезвое, позитивное мышление, трудоспособность и энтузиазм.

Осознание своей «выброшенности» и «ненужности» выражается в самоуничтожении, которым проникнута исповедь Кавалерова — точно таким же уничтожением отличаются и «Записки из подполья». Кажется, Парадоксалисту нравится вспоминать мельчайшие детали своего дурного поведения, он стремится разными средствами преувеличить свою подлость, представить ее в самом неприглядном виде. Схожей откровенностью отличается и Кавалеров. Например, еще в самом начале своего повествования, рассказывая о Бабичеве, герой заявляет о себе: «А я, Николай Кавалеров, при нем шут» [2. С. 10].

Продолжая самопрезентацию, герой характеризует себя как человека, который «жил в знаменитое время, всех ненавидел и всем завидовал, хвастал, заносился, был томим великими планами, хотел многое сделать и ничего не делал — и кончил тем, что совершил отвратительное, гнусное преступление...» [2. С. 24—25]. Сравним с тем, что пишет о себе Парадоксалист: «Я не только злым, но даже и ничем не сумел сделаться: ни злым, ни добрым, ни подлецом, ни честным, ни героем, ни насекомым» [1. С. 100].

То, что рассказывает Кавалеров, находит буквальные соответствия с записками Парадоксалиста. Например, герой Достоевского рассказывает историю о том, как однажды специально зашел в трактир с целью спровоцировать ссору и быть спущенным в окно, однако план его не удался: «Я испугался того, что меня все присутствующие, начиная с нахала маркера до последнего протухлого и угреватого чиновнички, тут же увивавшегося, с воротником из сала, — не поймут и осмеют, когда я буду протестовать и заговорю с ними языком литературным... Я вполне был уверен (чутье-то действительности, несмотря на весь романтизм!), что все они просто лопнут со смеха, а офицер не просто, то есть не безобидно, прибьет меня, а непременно коленком меня напинает, обеда таким манером вокруг биллиарда, и потом уж разве смилуется и в окно спустит» [1. С. 128—129].

Именно эту фантазию Парадоксалиста *буквально* воплощает Кавалеров: в ответ на насмешку он устраивает «литературный» протест (с длинным, символиче-

ским и высокопарным монологом, в котором «самоуничужение и заносчивость слились в одном горьком потоке»), после чего оказывается «выброшен» на мостовую [2. С. 15—16].

Но на этом сходство не заканчивается. Кавалеров, как бы глядя на себя со стороны, описывает именно то ощущение, которое Достоевский в своих романах называл «слететь с колокольни»: когда человек переступает через какую-то грань в себе и с ужасом понимает, что уже не может замолчать, остановить поток откровений в адрес окружающих — он должен высказать все до конца: «Я говорил, ужасаясь тому, что говорю. Я резко вспомнил те особенные сны, в которых знаешь: это сон — и делаешь что хочешь, зная, что проснешься. Но тут видно было: пробуждения не последует. Бешено наматывался клубок непоправимости» [2. С. 6].

Примечательны выражения, в которых рассказывает о себе герой Олеши: его сначала «выкинули», а потом «подобрали» — словно он какая-то ветошка, ненужная одному, но пригодившаяся другому. Совершенно так же говорит о себе герой Достоевского: «Я стоял у биллиарда и по неведению заслонял дорогу, а тому надо было пройти; он взял меня за плечи и молча, — не предупредив и не объяснившись, — переставил меня с того места, где я стоял, на другое, а сам прошел как будто и не заметив. Я бы даже побои простил, но никак не мог простить того, что он меня переставил и так окончательно не заметил» [1. С. 128].

Сравним: Кавалерова «выкидывают» и «подбирают», Парадоксалиста — «переставляют» с места на место, словно мебель. Именно такое отношение к ним, как к вещам, и вызывает обиду и ярость «подпольных» людей. Кавалеров описывает свои чувства:

— Моя молодость совпала с молодостью века, — говорю я.
Он не слушает. Оскорбительно его равнодушие ко мне [2. С. 20].

Парадоксалист не может простить того, что его «окончательно не заметили», для Кавалерова оскорбительно равнодушие собеседника.

Олеша в своей книге «Ни дня без строчки» по поводу творчества Достоевского пишет: «Основная линия обработки им [Достоевским] человеческих характеров — это линия, проходящая по чувству самолюбия» [2. С. 748]. Думается, эти слова в полной мере могут быть отнесены и к герою самого Олеши.

Болезненное самолюбие Кавалерова заставляет героя придавать значение таким мелочам, которых не замечают другие: его может больно ранить любое неосторожное слово, косой взгляд или пренебрежительная интонация; это как будто о нем написал Парадоксалист: «Я тщеславен так, как будто с меня кожу содрали, и мне уж от одного воздуха больно» [1. С. 174].

Как и герой Достоевского, Кавалеров уверен, что окружающие настроены по отношению к нему насмешливо и враждебно. Он подозревает враждебность даже в неодушевленных предметах: «Меня не любят вещи. Мебель норовит подставить мне ножку. Какой-то лакированный угол однажды буквально укусил меня. С одеялом у меня всегда сложные взаимоотношения. Суп, поданный мне, никогда не остывает. Если какая-нибудь дрянь — монета или запонка — падает со стола, то обычно закатывается она под трудно отодвигаемую мебель. Я ползаю по полу и, поднимая голову, вижу, как буфет смеется» [2. С. 8].

Но особенную подозрительность проявляет Кавалеров по отношению к приютившему его Андрею Бабичеву. Кавалерову все время кажется, что тот намеренно пытается его задеть, оскорбить, унижить: «Он никогда не говорит со мной нормально. Как будто ни о чем серьезном я не могу его спросить. Мне всегда кажется, что в ответ от него я получу поговорку, или куплет, или просто мычание. Вот — вместо того чтобы ответить обыкновенной модуляцией: «замечательный молодой человек», он скандирует, почти речитативом произносит: “че-лоо-ве-эк!”» [2. С. 17–18].

Скорее всего, эти подозрения не имеют ничего общего с действительностью и надуманы самим Кавалеровым: вряд ли такой деловой и занятой человек, как Андрей Бабичев, станет специально выдумывать способы, чтобы оскорбить своего гостя. Кавалеров ошибочно приписывает своему собеседнику ту высокую степень невротической рефлексии («усиленного сознания», по Достоевскому), которой обладает сам.

Однако отношение Кавалерова к Бабичеву нельзя определить однозначно — это причудливое сочетание ненависти, презрения, зависти, обожания, жажды внимания, восторга, ревности и обиды. Бурные всплески отрицательных чувств к Бабичеву чередуются у Кавалерова со страхом окончательно потерять расположение своего покровителя. Например, устроив скандал на аэродроме, Кавалеров желает непременно объясниться с Бабичевым: «Я должен поговорить с ним. Он должен понять. Я должен объяснить ему, что это он виноват, — что не я, но именно он виноват!» [2. С. 36]. Вспомним письмо Парадоксалиста офицеру: «Я сочинил к нему прекрасное, привлекательное письмо, умоляя его передо мной извиниться; в случае же отказа довольно твердо намекал на дуэль. Письмо было так сочинено, что если б офицер чуть-чуть понимал “прекрасное и высокое”, то непременно бы прибежал ко мне, чтоб броситься мне на шею и предложить свою дружбу. И как бы это было хорошо! Мы бы так зажили! так зажили!» [1. С. 129]

У обоих героев наличествует желание создать «райскую ситуацию», но не иначе как после признания «обидчика» в своих ошибках. А если «обидчик» вдруг не знает о том, что он ошибался — то ему необходимо об этом сообщить (в письменной или устной форме). Примечательно то, что оба героя не доводят свои намерения до конца. Вообще, «подпольных людей» отличает крайняя непоследовательность в поступках и желаниях. К примеру, написав письмо Бабичеву, где ядовито обличаются пороки последнего, Кавалеров решает не отдавать письма, но случайно забывает его в квартире Бабичева. Придя в ужас, Кавалеров хочет упасть перед Бабичевым на колени, умолять о прощении, но вместо этого бросается злыми обвинениями, в ответ на которые его выставляют из дома.

Такая резкая смена настроений, несоответствие намерений и поступков очень характерны и для Парадоксалиста (например, когда Лиза приходит к нему, он говорит и делает именно то, чего «ни в коем случае» не собирался и ровно противоположное тому, что хотел сказать и сделать).

Таким образом, Кавалеров, как и Парадоксалист, презирает окружающих, противопоставляя себя обществу, и в то же время жаждет их признания. Люди, по утверждению Кавалерова, в основной своей массе представляют собой «бродячую группу уродов» [2. С. 15], это бесчувственные, грубые и тупые существа.

Осознавая свою оторванность от людей, «подпольный человек» Кавалеров начинает безудержно рваться к ним. Это почти буквально соответствует взаимоотношениям Парадоксалиста с его приятелями, Зверковым и компанией, когда герой Достоевского сначала всячески стремится задеть и унижить собеседников, а потом спохватывается, принимается просить прощения и уверять в дружеских чувствах.

В «Зависти» это особенно сильно проявляется в сцене увеселительной прогулки Бабичева, Кавалерова и компании на аэродром, в ходе которой Кавалеров случайно отстает от компании, оказывается за оградой и сторож не пропускает его к приятелям. В этот момент прогулка, которая до этого не имела никакого значения для героя и даже вызывала у него только раздражение, вырастает до размеров судьбоносного действия. Кавалеров пытается прорваться через ограду, зовет Бабичева, принимается уверять сторожа: «Товарищ, я не простой гражданин. Я оттуда. Я с Бабичевым» [2. С. 34]. Потом он начинает буянить и сквозь ограду выкрикивает оскорбления в адрес Бабичева. Эта сцена почти зеркально повторяет сцену судорожной погони Парадоксалиста вслед за бросившими его на банкете приятелями, которым за минуту до этого он высказал все, что о них думает.

Символически оба этих порыва в общество обозначают попытку «взломать» собственное подполье, во что бы то ни стало слиться с окружающими людьми. Презируя своих современников, герои Достоевского и Олеси в то же время мечтают стать им полезными и нужными (но так, чтобы это сделалось как-то вдруг, без усилий с их стороны).

Кавалеров рассуждает: «Я хочу большего внимания. Я хотел бы родиться в маленьком французском городке, расти в мечтаниях, поставить себе какую-нибудь высокую цель и в прекрасный день уйти из городка и пешком прийти в столицу и там, фанатически работая, добиться цели» [2. С. 21].

Сравним с мечтами Парадоксалиста: «То-то и есть, что я слепо верил тогда, что каким-то чудом... вдруг представится горизонт соответственной деятельности, благотворной, прекрасной и, главное, совсем готовой (какой именно — я никогда не знал, но, главное, — совсем готовой), и вот я выступлю вдруг на свет божий, чуть ли не на белом коне и не в лавровом венке» [1. С. 132—133].

Из приведенных цитат следует, что оба героя жаждут славы, которая придет к ним благодаря какой-то прекрасной и полезной деятельности, результатом которой, по выражению Парадоксалиста, должно стать следующее: «Я, например, над всеми торжествую; все, разумеется, во прахе и принуждены добровольно признать все мои совершенства, а я всех их прощаю» [1. С. 133].

Но никакой общественно полезной деятельности не подворачивается, и слава почему-то так и не настигает «подпольных людей», несмотря на их усиленное хотение этой самой славы. В романе «Зависть» неспособность Кавалерова к какой-либо деятельности постоянно подчеркивается сопоставлением с деятельным и вечно занятым Бабичевым.

При всем том «подпольный человек» бунтует против рационального, бездушного мира, не желая быть «органическим штифтиком», и провозглашает законность «неразумного хотения», возможность проявить «высшее своеволие». У Кавалерова это выражается в том, что мечты о великом поступке в конечном итоге при-

водят его к желанию «вдруг взять да и сотворить что-нибудь явно нелепое, совершить какое-нибудь гениальное озорство и сказать потом “Да, вот вы так, а я так”» [2. С. 21]. Это напоминает страх Парадоксалиста перед хрустальным зданием, «которому нельзя будет ни языка украдкой выставить, ни кукиша в кармане показать» [1. С. 120].

Показать кукиш рационалистическому хрустальному дворцу всеобщего благополучия — это ли не то самое «гениальное озорство», о котором мечтает Кавалеров? В романе Ю.К. Олеси роль «хрустального здания» выполняет проект общественной столовой «Четвертак», эдакого коммунистического рая, где любой голодный сможет получить великолепный обед всего за четвертак. Вместе с Иваном Бабичевым Кавалеров мечтает разрушить этот «хрустальный дворец» и убить его основателя — Андрея Бабичева.

Еще одной чертой, указывающей на принадлежность Кавалерова к типу «подпольных людей», служит его жестокость по отношению к близкой ему женщине. Если Парадоксалист оскорбляет Лизу предложением денег, то Кавалеров идет дальше: он избивает вдову Анечку Прокопович за то, что та не похожа на юную, прекрасную и недоступную Валу, за то, что вдова олицетворяет собой «символ его мужской униженности» [2. С. 23]. Примечательно, что оба корят себя за плотскую невоздержанность, не находя в себе сил отказаться от близости с женщинами, которых презирают, и после произошедшей близости мелко мстят этим женщинам за собственную слабость.

Подведем итоги. На наш взгляд, Кавалеров воплощает в себе весь комплекс «подпольных» черт: в нем гордость и самоуничужение взаимосвязаны так же, как и у «подпольных людей», что объясняется с одной стороны тщеславием и оскорбленным самолюбием, а с другой — «подпольной» склонностью к «усиленному сознанию». Герой склонен к мечтательности, отвлеченному теоретизированию и «литературности» при абсолютной неспособности к какой-либо реальной деятельности. Кавалеров противопоставляет себя людям, считая себя выше окружающих обывателей, одновременно презирая их и желая быть ими признанным и любимым; отношения с обществом из-за чувствительности и самолюбия героя, а также нежелания последнего соблюдать неписанные законы коммуникации, складываются необыкновенно тяжело. Кавалеров выступает против «овеществления» человека, пытаясь разрушить «хрустальный дворец» — столовую «Четвертак». Повествование в романе, как и в «Записках из подполья», ведется от первого лица (от лица Кавалерова). Обращение Ю.К. Олеси к данному литературному типу обусловлено общественно-историческими условиями, сложившимися в эпоху НЭПа, которые вполне могут быть сопоставимы с ситуацией 60-х гг. XIX в.

Как нам кажется, тип «подпольного человека» принадлежит к разряду «вечных» типов (таких, как, например, «лишний человек» или «маленький человек») и значим не только для творчества Ф.М. Достоевского, но и для русской литературы в целом. Указанный литературный тип выходит далеко за рамки произведений Достоевского и по-своему трансформируется в новых исторических условиях у целого ряда других писателей, в частности, у Ю.К. Олеси. Разумеется, временные рамки накладывают определенный отпечаток на героев-представителей типа, но

психологические, поведенческие и идейные особенности «подпольных людей» остаются практически неизменными.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. Л., 1979.
- [2] *Олеша Ю.К.* Заговор чувств: Романы. Рассказы. Пьесы. Статьи. Воспоминания. Ни дня без строчки. СПб., 1999.
- [3] *Кузьмина В.Н.* Между философией «подполья» и мироощущением «человека толпы»: (от повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья» к роману Ю. Олеша «Зависть») // Сб. науч. тр. С.-петерб. гос. ин-та культуры. СПб., 1997. № 148. С. 265—280.
- [4] *Полонский В.П.* Преодоление зависти // Полонский В.П. На литературные темы. Избранные статьи. М., 1968. С. 297—332.
- [5] *Шеншин В.К.* Традиции Ф.М. Достоевского и советский роман 1920-х годов: К. Федин, Ю. Олеша, Л. Леонов. Красноярск, 1988.

NICHOLAI KAVALEROV AS A REPRESENTATIVE OF THE «UNDERGROUND MAN» IN RUSSIAN LITERATURE

K.V. Kasatkina

Lomonosov Moscow State University
Leninskie gori, 1, Moscow, Russia, 119991

This article is devoted to the comparative analysis of two characters: “Underground man” (“Notes from Underground” by F. M. Dostoevsky) and Nikolai Kavalero (“Envy” by J. K. Olesha). The narrator of “Notes from Underground” and protagonist of the novel “Envy” share a number of similarities in their world views, behavior, speech, character and psychological traits. Kavalero has the whole complex of “underground traits”: he combines pride with desire for self-humiliation, he is prone to daydreaming, but is not capable of any practical activity. His relations with people are quite similar to ones of Dostoevsky’s hero. Further analysis shows, that Nikolai Kavalero is a peculiar transformation of the “underground man” type in historical context of the twenties of XX century.

Key words: Dostoevsky, Olesha, Notes from Underground, Envy, underground man, Kavalero, underground.

REFERENCES

- [1] Dostoyevsky F.M. Sbranie sochinenij: v 30 t. [*Collected works: 30 vol.*] T. 5. L., 1979.
- [2] Olesha Y.K. Zagovor chuvstv: Romany. Rassказы. Pesy. Stati. Vospominanija. Ni dnja bez strochki [*Conspiracy of feelings. Novels. Short stories. Articles. Momories*]. SPb., 1999.
- [3] Kuzmina V.N. Mezhdru filosofiej «podpolja» i mirooshushheniem «cheloveka tolpy» [*Between the philosophy of forgery and disposition of “a man of mob”*]: (ot povesti F.M. Dostoevskogo «Zapiski iz podpolja» k romanu Ju. Oleshi «Zavist») // Sbornik nauchnykh trudov [Selected scientific works] / S.-peterb. gos. in-t kultury [Saint-Petersburg state institute of Culture]. SPb., 1997. № 148. S. 265—280.
- [4] Polonskij V.P. Preodolenie zavisti [*Overcoming of the Envy*] // Polonskij V.P. Na literaturnye temy. Izbrannye statyi [On literary items. Selected articles]. M., 1968. S. 297—332.
- [5] Shenshin V.K. Tradicii F.M. Dostoevskogo i sovetskij roman 1920-h godov [*Traditions of Dostoyevsky in Soviet novel of 1920-th*]: K. Fedin, Ju. Olesha, L. Leonov. Krasnojarsk, 1988.